

РУЖЬЯ, СУГРОБЫ, ДЕТАЛЬ

ИСЛАМ ХАНИПАЕВ, «ХОЛОДНЫЕ ГЛАЗА»
(«АЛЬПИНА НОН-ФИКШН», 2022)

ИВАН РОДИОНОВ

Поэт, критик. Родился в 1986 году в г. Нотово Волгоградской области. Живет в Намышине. Автор книги «Счетчик. Путеводитель

по литературе для продолжающих». Участник «Тавриды-2020» и «Мастерской Захара Прилепина — 2020». Преподает русский язык и литературу.

Вторая книга Ислама Ханипаева не укладывается в прокрустово ложе заявленного жанра, и это хорошо.

В книге три части. В первой из них молодой журналист из Махачкалы, которого зовут Арсен, по воле случая оказывается втянут в жуткие события: в тихом дагестанском селе убиты местный прокурор и три его дочери. Любопытный самоуверенный репортер постоянно вмешивается в ход расследования, но в итоге, когда ложный след обрывается, помогает полиции найти вероятного злоумышленника.

Проходит пять лет, арестованный умирает в тюрьме, и после этого убийства возобновляются — кто-то мстит всем, кто так или иначе связан с этим делом. Нервы Арсена расшатаны, его личная жизнь не клеится, а тут еще оказывается, что из-за него был, скорее всего, осужден невиновный. Завершается вторая часть тем, что героя едва не убивают.

Проходит еще три года. Убийца все еще на свободе. Ноторого Арсен в конце концов все-таки найдет, и его отпустит (вторую часть этого предложения можно и нужно понимать по-разному).

Путаницу, способную навести большую суету в сознании читателя романа, невольно спровоцировали некоторые рецензенты книги, ее бэкграунд. Почитайте: в каждом втором отзыве будет звучать слово «нуар», иногда с прибавлением определения «скандинавский». Вот уж заход, что называется, совсем мимо кассы. Но читатель ждет уж рифмы «морозы»: Стига Ларссона там, Хёга или Несбё.

Ничего такого в книге нет. Разве что зима и ночь. В отличие от амбивалентных циничных скандинавских алкоголиков с их тарананами в голове размером с арбуз, Арсен, натурально, — зожник (к середине книги, справедливости ради, начнет — о ужас — понуривать) и агент нормы, самый здоровый человек на Земле. Или хотя бы в Дагестане. От особенно жестоко-кровавых кадров герой отворачивается — и прячет их от нас.

А что до кошмаров или бессонницы — так это как раз адекватная реакция организма на дикий стресс. Еще и лайтовая. Плюс кинематографически красивые сцены: вот жуткий сон, а вот герой в отчаянии сидит на лестнице. Но обязательной скандинавской дженилохайдовщины с протагонистом, отягощенным злом, в «Холодных глазах» нет.

А что есть?

Во-первых, страшное. Оно здесь не внутри, а вовне, не в человеке, а в том, что помимо него. В атмосфере, в которой что-то не так. В иррациональности зла, над искоренением которого, как и в старые недобрые времена, никогда не трудились ни полицейские, ни психотерапевты. Ибо абсурдно, тут нужен скорее священник. Пугает в романе готическое, а не психологически-триллерное.

Звучит несколько банально, но в «Холодных глазах» есть многое от стивен-кинговской традиции, причем в любопытном, почти оксюморонном изводе. Переключен с королем ужасов в книге действительно много. Особенно много — на уровне зацепок, отзвуков, упоминаний — со знаменитым романом Pet Sematary. С его «дразнящей неизбежностью» доворотов зла, с его некрофобией. Окончательной смерти нет, но это не жизнь вовсе. Оттого кажется, что один из героев, упавший в пропасть, обязательно вернется, на чем Ханипаев аккуратно играет.

Кстати, с именем Нинга связан один забавный анахронизм, читающийся отчасти как предсказание. Действие первой главы происходит в январе 2014 года. Ближе к концу мы узнаем, что одна из погибших девочек вела дневник, в котором, среди прочего, отметила, что перечитывала «НлаТбище домашних животных». Это важная деталь — на уровне лейтмотивов. Но дело в том, что перевод с искаженным, как в оригинале, названием появился на русском лишь в 2016-м («АСТ», перевод Т. Покидаевой). Оттого это упоминание смотрится изначально загробным, идущим из небытия.

А оксюморонность ханипаевской готики вот в чем. Мистики в «Холодных глазах» нет, иррациональность пляшет от атмосферы. Но у Нинга события чаще всего происходят в штате Мэн, где неожиданно появляются индейцы, цыгане, демоны, инопланетяне и еще бог весть кто. А Мэн — это все-таки американский Север. Странное там чужое, нехарактерное. Русский Нинг во многом невозможен именно потому, что сложно поверить в иррациональное в реалиях, допустим, средней полосы. И здесь на помощь Ханипаеву приходят хорошо знакомые ему дагестанские реалии.

Таким образом убиваются сразу два зайца. С одной стороны, герой (хоть и уроженец Дагестана, но урбанизированный, столичный) без сюжетных натяжек ощущает себя в этом горном селе совершенно чужим. С другой стороны, такой подход — едва ли не единственная адекватная возможность выписать отечественную версию Юга: консерватизм, замкнутость общества, религиозность, круговая порука, странные для чужака традиции... В общем, знакомое и классическое *«ты же городской парень, сам по себе?.. тогда не поймешь»*.

Нинговское нагнетание и южноготический сеттинг, как оказывается, вполне себе сочетаются. И не просто сочетаются, но и смотрятся живыми и настоящими. Не адаптацией.

Что еще? Ханипаев мастерски играет на обмане ожиданий. Его подвешенные ружья — от уже упомянутых упавшего героя и девичьего дневника до намеков на неоднозначность личности убитого и возможность

«Восточного экспресса» — при ближайшем рассмотрении оказываются не ружьями вовсе, но деталями. Работающими не на раскрытие преступления, но на ту самую иррациональность. По этой причине читатель, попавший на удочку хештегов #нуар или #триллер, в конце может остаться несколько разочарованным. Он ждал, что все нити свяжутся в узлы, а окажется, что этого и не планировалось. Расчесть зло алгеброй логики для ханипаевского героя оказалось невозможным — но не так ли обстоит дело и в реальности?

И последнее. На жанровом уровне «Холодные глаза» — внезапно традиционный роман воспитания. Велик соблазн рассматривать этот роман как «Юность» — после «Детства», явленного в «Типа я» (правда, «Отрочество» куда-то пропало). Параллелей действительно много. Но и без подобных аналогий «Холодные глаза» — вполне себе история взросления. Герой ищет свое «я», проходит все необходимые инициации и кризисные жизненные этапы, пусть и в несколько экстремальных условиях. И проходит с честью, надо сказать, — надламывается, но не ломается. Вокруг неизвестность, диккенсовский гротеск — чудановатые старики, странные подростки. Вокруг смерть — сначала убитые Гамзатовы превратились в белых журавлей, потом гибнут уже знакомые Арсену люди. А он делает что должно. И будь что будет — и таков путь уже не юноши, но мужа.

Наң, собственно, и повелось издавна — видимо, с самого начала времен.

